

От дисциплинарного империализма к гедонистическому утилитаризму

Автор: Е. Ф. САБУРОВ

Вторжение методов и подходов, издавна присущих экономике, в области человеческой деятельности, казалось бы, от экономики далекие, становится очень модным. Научная мода - явление очень интересное и, на мой взгляд, всегда нуждающееся в осмыслении. В сущности, это показатель некоего кризиса, то есть свидетельство недостаточности прошлых объяснений и желания найти новые объяснения знакомым и вновь возникшим реалиям. Знаменитая фраза И. Валлерстайна о том, что если социология, политология, психология, философия и экономика не объединятся в одну гуманитарную науку, то через некоторое время они будут интересны только самим себе [Валлерстайн, 2003], похоже, серьезно взволновала научный мир. Мне кажется, споры сейчас идут не о том, надо ли или не надо это делать, а о том, на какой методологической основе это объединение произойдет.

Рассеянный и сосредоточенный

Выявились два взгляда на проблему. Назову их рассеянным и сосредоточенным. Носители рассеянного взгляда воспринимают человека как некую этажерку, пирамиду [Маслоу, 1999] или же существо, путающееся в оценке природных ресурсов и космологических представлений [Лал, 2006]. Моделей довольно много, но все они основаны на мнении, что человек - частица некоей большей общности и его поступки диктуются принятыми в этой общности мнениями. Мнения меняются. Какие-то быстрее, а какие-то медленнее. Поскольку в этом случае неизбежно происходит запаздывание ряда из них по сравнению с "требованиями жизни", то мы сталкиваемся с феноменом "зависимость от прошлого пути" или от "предшествующего развития" (*path dependence*). Рассеянный взгляд, можно сказать, расфокусирован и критерии выбора того или иного поведения плавают в довольно-таки абстрактных полях - "индивидуализм-коллективизм", "высокая-низкая дистанция власти" и т.д. [Лебедева, Татарко, 2007]. Особой любовью у сторонников такого взгляда пользуются "духовность" и "нравственность".

Напротив, сосредоточенный взгляд ищет основания выбора того или иного поведения, исходя из анализа полезности результата для лица, принимающего решение. Мне пришлось бы пространно объяснять, почему выбор, опирающийся на оценку полезности, далеко не всегда связан с денежным интересом, не производится в безвоздушном пространстве, не обязательно объективно оптимален да и не всегда так уж сознателен, но я не буду этого делать, потому что все уточнения и объяснения уже даны в блестящей статье В. Тамбовцева [Тамбовцев, 2008]. В столкновении сторонников рас-

---

С а б у р о в Евгений Федорович - доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
Федерального института развития образования.

сеянного и сосредоточенного взглядов много недоразумений. Если они не вызваны элементарной недобросовестностью, то, надеюсь, статья Тамбовцева их снимает.

В настоящее время сторонники единого строгого методологического подхода к гуманитарным проблемам пользуются предложенной еще И. Бентамом оценкой соотношения "удовольствия-лишения". Такой подход в упрощенно схематичной форме "выгоды-издержки" был развит в экономике и полтора столетия не выходил за ее пределы. Упрощение было вызвано требованием квантификации. Это позволило создать великолепный аналитический аппарат, который к середине XX в. перерос тот довольно узкий класс задач, ради которого создавался. Надо заметить, что работы Г. Беккера, Дж. Стиглера и др. расширили возможности квантификации. Создалось такое положение, которое, с одной стороны, стимулировало заманчивое для любого ученого желание попробовать использовать мощный аналитический аппарат в новых областях, а с другой - выявило, что для правильного решения многих "экономических" задач требуется анализировать вовсе "не экономические" мотивы человеческого поведения.

Название "экономический империализм" не так уж верно, как это иногда кажется. Проблему можно трактовать и совсем с другой позиции. Не менее верен тезис, что в экономику вторгаются проблемы других гуманитарных наук. Так, в расширенной теории благосостояния представление о любви к своей семье позволяет понять, почему перспектива высоких доходов не влечет автоматической перемены места жительства, если на новом месте нет достойного занятия для супруги или приличной школы для детей. Какой же тут "экономический империализм"! Тут "империалистами", скорее, являются психология или социология. Само понятие неденежных форм дохода - что это, как не вторжение неэкономии в экономику?

На мой взгляд, данному методу больше подошло бы философское название "гедонистический утилитаризм", как и было в XVIII в. Но названия даем не мы, а почтеннейшая публика во главе с досужими журналистами, а им это и выговорить-то трудно. Им подавай что-то вроде "фрикономики", о которой пишет С. Гуриев [Гуриев, 2008]. Впрочем, прошу прощения за старческое брюзжание, тем более, что шутовство никогда не мешало научному развитию, а журналистам спасибо за их совсем не легкий труд.

Что мне кажется важным в сложившейся ситуации, так это то, чтобы сторонники того или иного взгляда не отрицали соображения друг друга, так сказать, "с порога". Сторонники эклектичного рассеянного взгляда должны, по-моему, понимать, что их пирамиды, поля и т.д. - лишь описание различных сторон проблемы, но не ответ на вопрос "в чем дело?". А вот сторонникам единого методологического подхода не дурно было бы помнить, что постановка задачи - их слабое место. Сосредоточенный взгляд может упереться совсем не туда, куда следует. Мы склонны забывать старое математическое правило, сформулированное еще, по-моему, А. Пуанкаре: если хочешь решить задачу, думай не о ней, думай около нее. Рассеянный взгляд охватывает пространство "около", и в этом его огромная ценность.

Не стоит сводить проблему к спору между экономистами и социологами. В этом смысле чрезвычайно интересна высказанная В. Радаевым мысль: "Конечно, в общем смысле социальными отношениями пронизано буквально все, в том числе и в хозяйственной жизни. Но в конкретных ситуациях роль того, что мы называем "социальными факторами", сводится к нулю, а укорененные отношения чуть ли не полностью замещаются случайными связями" [Радаев, 2008, с. 121]. По-моему, это замечание - важный шаг на пути "осознания и осмысления неизбежных границ" применения той или иной методологии. Конечно, когда "социолог начинает рассуждать о высших ценностях на основе нескольких переменных из анкетного опроса", - это не экспансия социологии в гипотетическую единую гуманитарную науку, а просто факт, предосудительный с точки зрения научной этики вообще. Но не менее ошеломляющими выглядят рассуждения о том, что неудачи реформ в Латинской Америке вызваны тем, что в свое время английские бароны взяли в свои руки управление расходной частью бюджета, а испанские, напротив, отдали это право королю в целях реконквисты. Сегодня в

бой пошли не только экономисты и социологи, но и философы, политологи и иже с ними. На Руси появилось довольно много толстых книг, в которых раздражение населения действиями правительства в 1992 г. объясняют тем, что в свое время Иван Грозный создал весьма своеобразную властную вертикаль. Вот тебе и "зависимость от прошлого пути"! Я взял на себя труд прочесть несколько книг такого рода от корки до корки. Не буду называть фамилий, поскольку многие из авторов - вполне симпатичные в быту люди, но вообще-то говоря, перестаешь понимать, на каком свете находишься и, кстати, что такое наука.

Радаев предложил психологически оправданный и проверенный многовековой практикой путь сближения представителей разных гуманитарных наук - указание на существование общего врага. В данном случае - конструкторов несуществующей реальности, к которым он относит новое поколение менеджеров и маркетологов. Ни в коем случае не подвергая сомнению это указание, я прибавил бы к стройным рядам тех, кто выбрал "пепси", и тех, кто остались верными традиционным напиткам и конструирует рынки интеллектуальных продуктов на основе мыслительности (педагогический термин) в области "прошлого", нимало не задаваясь вопросами познания и безусловно относясь к "человекам делающим". Если юные менеджеры и маркетологи созидают "деревья без корней и здания без фундаментов", то менеджеры и маркетологи исторических закономерностей, национальных менталитетов и высших ценностей созидают корни без деревьев и фундаменты без зданий. Одна надежда, что эти две возрастные когорты не сольются в постмодернистском синтезе.

Модерн, постмодерн и далее

Вот мы и подошли к тому вопросу, который нас действительно волнует, к той задаче, которую мы силится решить, споря о методологии. Получилось или не получилось? А если получилось так, а не иначе, то почему? И у кого "у нас"?

О Новом времени, о времени "модерн" заговорили еще философы и историки в "додисциплинарный" период. Социологии и экономики тогда еще не существовало. Но признаки проекта были налицо. Весь XVIII в. шла разработка проектной документации одновременно с началом строительства "с колес". Были даже характерные для проектировщиков заявления о том, что все сделано, теоретически работа завершена (Г. Гегель) и осталось лишь строго выполнять технические задания. Затем, естественно, наступила знакомая любому предпринимателю стадия, когда реальность бурно вмещивается в стройный замысел и вместо соразмерной и изящной фабрички по производству всечеловеческого счастья возникает нечто монструозное, но очень хорошо работающее. Экспоненциальный рост производительности труда позволяет решать проблему ликвидации голода, повышения продолжительности жизни, резкого улучшения условий проживания и т.д. и т.п. Наряду с этим происходят национальные и социальные катастрофы, но и вырабатываются инструменты и институты, позволяющие бороться с их угрозами.

Во второй половине XX в. к проблеме подключились политологи, социологи и экономисты. Словосочетание "модернистский проект" перестало быть маргинальным, но постановка проблемы претерпела существенные изменения. На первый план вышел вопрос: почему модернистский проект осуществляется столь неравномерно?

Нельзя сказать, что этот вопрос не задавался ранее. Более того, предлагались и весьма интересные ответы [Вебер, 1990]. Однако с выходом на сцену экономистов исследовательский тон вопроса сменился на нормативный. Что сделать, чтобы обеспечить осуществление модернистского проекта там, где он не идет или идет плохо? Вместо осознания и осмысления модернистского проекта были предприняты бесчисленные попытки разработки модернизационных проектов для отдельных регионов, этнических сообществ, отраслей хозяйства и других объектов. Затруднения, реальные или мнимые, при осуществлении этих модернизационных проектов и породили дискуссии между экономистами и представителями других гуманитарных наук. Это не ме-

тодологический спор "вообще" - это методологический спор, имеющий вполне четкое практическое значение.

Хотя "в доме повешенного не говорят о веревке" и участники нашей дискуссии тщательно обходят вопрос о родной российской ситуации, но и расширительное толкование полезности, и разговоры о ценностях, и любование зависимостями от прошлого пути убеждают меня, что ни о чем другом, как о нашем модернизационном проекте, мы думать не можем. Это понятно и, на мой взгляд, правильно. Может быть, на солнечных лужайках "фрикономики" это не так, но у нас так. Впрочем, к примеру, и в книге "Фрикономика" [Левитт, Дабнер, 2007] рассуждения о том, как опасна детская самоорганизация, направлены на выработку рекомендаций по устранению одного из препятствий на пути осуществления модернизационного проекта для чернокожих жителей США. Непонятно, насколько корректно говорить о провале нашего модернизационного проекта, но то, что ощущение неудачи овладело интеллектуально элитой, бесспорно. И это ощущение я разделяю.

Один из серьезных критиков теории модернизации и вытекающей из нее теории догоняющего развития Дж. Скотт [Скотт, 2005] как главный недостаток модернизационных проектов отмечает их универсальность. Он обвиняет то, что называет "высоким модернизмом", в явном и неявном стремлении государства "подстричь все под одну гребенку" с той целью, чтобы легче и эффективней было управлять. Это идеологическое обвинение позволяет Скотту утверждать, что перевод "рационального" из ранга социального конструкта в ранг универсального понятия (и тут он, конечно, недобрым словом поминает Бентама и вообще утилитаристов) вызван авторитарными тенденциями и стремлением планировать счастье людей. Тут уже в союзники по борьбе с теорией модернизации попадают Ф. фон Хайек и П. Кропоткин. Надо сказать, что не менее жесткой критике подвергается и система измерений вообще.

Позволю себе высказать мнение, что кризис гуманитарной мысли порожден именно провалами модернизационных проектов. Особенно в нашей стране. Узость нормативного научного экономического подхода к проблемам, нежелание и неумение считаться (и считать!) с веером потребностей, учитывать подлинные условия хозяйствования и обеспечения безопасности и проживания привели к созданию дурацких городов и кварталов, не приспособленных для жизни, строительству производств и транспортных сооружений, обреченных на умирание, реорганизаций в социальной сфере, выводивших на улицу протестующие толпы. В среде публицистов-философов появился достаточно уродливый термин "постмодерн" (жизнь после современности? жизнь после жизни?), но это не интересно. Реакцией на сложившееся положение, на провал модернизационных проектов могло быть три, и все три присутствуют сегодня.

Во-первых, можно ничего не делать. Все мы помним, как бездарные гнезда черемушкинских пятиэтажек превратились в уютные московские дворики. "Знаешь, население это та-а-кой народ. Как-то выживают", - сказал мне в 1993 г. один из представителей отечественных финансовых властей. Мы видим целые страны, которые, несмотря на провалы отдельных модернизационных проектов, заняли достойное место в международном разделении труда и обеспечили высокий уровень жизни населения, хотя если узко понимать М. Вебера, этого не должно было случиться. Вообще следует отметить, что модернистский проект в целом чрезвычайно успешен и плачевное состояние ряда модернизационных проектов не должно затемнять этот фундаментальный факт.

Во-вторых, в тоске и печали можно сетовать на то, что народ не тот, а потому конкретный модернизационный проект не дал ожидаемых результатов. Народ, понимаешь, коллективистский, а следовало бы ему быть индивидуалистичным. "Дистанция власти" должна была бы быть покороче, а она непомерно велика. Скользя рассеянным взглядом по реальности, сторонники такого подхода очень часто создают фантомы, симулякры вроде национальных менталитетов, высоких ценностей, зависимостей от прошлого пути. Тем не менее, если отбросить явные фальсификации вроде *QWERTY-эффекта*, их деятельность чрезвычайно конструктивна в своей деконструктивности. Они проде-

ляли огромную работу в области постановки задач, так как каждое указание на особенность поведения людей - призыв к анализу и осмыслению проблемы.

Наконец, третий путь - путь экономического империализма, путь сосредоточенного взгляда. Из опыта модернизационного проектирования необходимо извлечь серьезные уроки. Как ни горько в этом признаться, у нас плохо получается постановка задач, но решать задачи можно только на основе расширенного толкования гедонистического утилитаризма. Образцом лично для меня является не столько теория человеческого капитала Г. Беккера [Беккер, 2003], к которой, надо сказать, довольно много претензий, а его же "теорема об испорченном ребенке" и другие рассуждения о патернализме как о сугубо рациональном поведении человека в конкретных экономических условиях бедности и отсутствия страховых и кредитных инструментов. На наших глазах исчез патернализм в Северной Испании и Северной Италии. Сегодняшний российский патернализм, особенно с появлением ипотеки, уже совсем не такой, каким был в 1960-е, а тем более в 1950-е гг. Все правильно написал Беккер, но ведь до него были этнографы, философы, политологи, которые должны были бы назвать это явление, описать его, выявить его светлые и темные стороны, то есть поставить задачу.

Сегодня гипотетическая единая гуманитарная наука вырабатывает свои методологические основы. Споры по этому поводу мне кажутся чрезвычайно благотворными, а полученные результаты - достаточно мощными и интересными. Главной причиной такой ситуации представляется наличие и осмысление проблемы модернистского проекта и конкретных модернизационных проектов. Очень не хотелось бы, чтобы "экономический империализм" постигла участь модных одежд, через год-два отправляющихся в слаборазвитые страны в качестве *second-hand* 'а.

Пожелания и вопросы

Выскажу некоторые пожелания, вовсе не претендуя на изречение каких-то истин. Мне представляется недопустимым употребление в научных исследованиях терминов "духовность", "нравственность", "ценность", "зависимость от прошлого пути" без объяснения, что все-таки имеет в виду автор. Как человек верующий и вот уже скоро 40 лет практикующий я совершенно не понимаю, что имеется в виду под словом "духовность". Духи, как говорится, разные бывают. Беленькие и черненькие, грубо говоря. Все-таки надо как-то различать духовность Б. Дубина и духовность А. Дугина. Стоит задумываться о том, что водка, например, - это разврат духовный, а не материальный, о чем, кстати, свидетельствует и латинское название как самого напитка, так и его основного ингредиента. Фраза "для русского народа важна духовность" должна, на мой взгляд, предшествовать исследованию: какая духовность? чему служит эквивалентом водочная духовность при обмене, например, на материальные блага? какие духовные удовольствия влечет за собой дружеское общение скинхедов? Тут масса тем для глубоких исследований.

Или же возьмем термин "ценность". Мне кажется, что здесь он сам по себе затуманивает проблему. Я бы предпочел говорить о доблестях - таких, как смелость, честность, любовь к своей семье и т.д. и т.п. Тогда можно было бы исследовать ценность этих доблестей в данное время в данном обществе. Ясно, что ценность той или иной конкретной доблести зависит от спроса и предложения. У нас есть чудесный микроэкономический инструментарий, позволяющий проанализировать процесс определения ценности той или иной доблести. Вместо навязшего в зубах "индивидуализма-коллективизма", например, стоило бы посмотреть на эластичность по спросу такой доблести, как самостоятельность. Я думаю, тут будут интересные результаты, если обратить внимание на спросовые ограничения со стороны крупных корпораций, малого бизнеса или властной вертикали.

Нравственность - социальный конструкт. Мне кажется, что вопрос о нравственности - не отдельный вопрос, но нечто совместное с вопросом о ценности доблестей. Именно здесь возможен контакт между социологами и экономистами. Равновесные

ценности таких доблестей, как смелость и честность, на наших глазах несколько раз менялись в зависимости от давления общественных спроса и предложения. Серьезный анализ этого явления помог бы снять возражения социологов по поводу излишнего индивидуализма экономической методологии. В свою очередь, экономисты избавились бы от раздражения по поводу нефальсифицируемых выводов социологов.

"Зависимость от прошлого пути" сегодня, к сожалению, стала универсальной "отмазкой" от всех обвинений в ошибках и глупостях, которые наделали задумщики и реализаторы модернизационных проектов. "Тени прошлого" [Беккер, 2003] действительно реально существуют, но сколько же непрофессионализма, а иногда и откровенного вранья ими прикрывается! Здесь нужна крайняя осторожность.

Мне представляется образцовой, например, методологическая деликатность Д. Лала. Впечатляет его утверждение о проявившейся в истории экономической и политической успешности такого явления, как папоцезаризм, несимпатичного с сегодняшней точки зрения. Менее удачными мне кажутся рассуждения ученого об исламе. Здесь, по-моему, вообще ничего не понятно. Убедительно показано, что на экономическое развитие стран Дальнего Востока конфуцианство никакого влияния не оказало [Лал, 2006]. То есть получается, что нет теории "зависимости от прошлого пути", а есть иногда возможное явление, каждый раз требующее детального конкретного рассмотрения, которое, даже если оно справедливо и красиво, очень редко подходит для объяснения другого аналогичного явления.

Что касается социально-экономических последствий влияния тех или иных религиозных воззрений, то иногда с тайной радостью воспринимаешь безграмотность гуманитариев. Я, например, с удовлетворением читаю о том, что армянская и русская христианские церкви близки более, чем, скажем, русская и итальянская церковь. Ведь если бы авторы этой ахинеи что-нибудь знали о монофизитстве или монофелитстве, то мы, вполне вероятно, получили бы опус, объясняющий нежелание реформировать "Газпром" скрытым монофизитством Русской православной церкви. Оторопь берет, когда читаешь у того же Лала, что цезарепапизм в России привел к нашей цивилизационной отсталости, когда немногими страницами ранее он отмечал, что цезарепапизм в Англии привел ее к процветанию. То ли цезарепапизм тут ни при чем, то ли речь идет о каких-то разных вещах.

Вообще, мне кажется, что на данном этапе развития "экономического империализма" не стоит увлекаться объяснениями настоящего через прошлое. Во-первых, уж очень часто это попахивает самооправданием и желанием свалить вину за собственные провалы на мифы о предках. Во-вторых, еще слишком мало разработано достоверных объяснений значимых и локализованных явлений, чтобы можно было разрешить себе "сочинения на вольную тему". Думаю, придет и этому время, но сегодня лавры сочинителей *QWERTY*-эффектов, право же, ни к чему.

Сегодня наиболее интересный комплекс задач, интересующий ученых, работающих в русле экономического империализма, связан с открывшейся неочевидностью "либерального принципа подглядывания". Жители ареала *B*, живущие хуже, чем жители ареала *A*, не всегда импортируют из *A* в *B* эффективные институты, а если импортируют, то с ужасно раздражающей медленностью и очень частым ухудшением. Пора перестать говорить, что *A* лучше *B*. Это и так ясно. Пора научиться считать издержки перехода институтов *A* в *B* для отдельного человека определенного возраста и квалификации. Какова цена реформы для хозяйствующего или просто проживающего в ? субъекта? Л. Якобсон своевременно и правильно поставил вопрос: сколько надо заплатить людям, чтобы они приняли монетизацию льгот [Якобсон, 2006]?

Почему сырьевые экспортно-ориентированные экономики способствуют росту авторитаризма и дистанцирования населения от власти? Каким образом застраховалась от подобного оборота событий Норвегия, а задолго до этого Австралия?

Почему атаку на единый госэкзамен в нашей стране сначала вели "хорошие" вузы, а потом внезапно прекратили и за штыки взялись "плохие" вузы? Что означает диплом об окончании вуза? Почему работодатели твердят о нехватке работников сред-

него и низшего звена, а население штурмует научные высоты, не обращая внимания на резоны работодателей?

Почему цивилизация (кстати, единственная), где главный организующий принцип человеческого поведения - чувство вины, демонстрирует поразительные успехи, а цивилизации, где роль такого принципа играет чувство стыда, довольствуются лишь догоняющим развитием? В чем тут экономический механизм? Действительно ли это различие что-то значит? И естественно, так ли безобиден учебник истории, предлагаемый нашим школьникам?

Вопросов много. Вопросы разноплановые. Единственное, что их объединяет - на них невозможно ответить в рамках дисциплинарного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избр. произв. М., 1990.

Гуриев С. М. Экономический империализм // *Общественные науки и современность.* 2008. N 3.

Лал Д. Непреднамеренные последствия: влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., 2006.

Лебедева Н. М., Татарко А. М. Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.

Левитт С. Д., Дабнер С. Дж. Фрикономика. Мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями. М., 2007.

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.

Радаев В. В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // *Общественные науки и современность.* 2008. N 6.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.

Тамбовцев В. Л. Перспективы экономического империализма // *Общественные науки и современность.* 2008. N 5.

Якобсон Л. И. Социальная политика: коридоры возможностей // *Общественные науки и современность.* 2006. N 2.